ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

УДК 070 DOI: 10.47475/2070-0695-2021-10111

Л. Г. Александров
Челябинский государственный университет,
Челябинск

А. Ф. ПИСЕМСКИЙ – РЕДАКТОР, БЕЛЛЕТРИСТ, МЕМУАРИСТ (К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Статья посвящена публичной деятельности А. Писемского – видного русского литератора середины XIX века. Автор в первую очередь уделяет внимание Писемскому как субъекту и объекту общественной критики и полемики своего времени, исследует некоторые причины его творческого успеха. Отдельно рассматривается изменение жанрово-тематических предпочтений писателя в конце его жизненного пути.

Ключевые слова: Писемский, публицистика, беллетристика, полемика, натуральная школа, консерватизм, либерализм.

Происходивший из семьи обедневшего провинциального помещика, Алексей Феофилактович Писемский не сразу нашел свою дорогу в русской литературе и журналистике. В юности он чувствовал в себе задатки актерства и даже подумывал служить в театре, но судьба распорядилась иначе.

Закончив физико-математический факультет Московского университета, молодой Писемский определился на канцелярскую службу, и в течение всей жизни работал чиновником различных департаментов в Костроме, Москве, Херсоне и других российских городах. Скучной службой он, по-видимому, тяготился и не раз подавал в отставку, иногда – по состоянию здоровья, иногда – мотивируя свой уход необходимостью переезда для сотрудничества с петербуржскими театрами и журналами.

По воспоминаниям современников, он всегда очень эмоционально и «заразительно» представлял свои пьесы на репетициях, самая популярная из которых, «Горькая судьбина», была неплохо воспринята публикой. Не меньший эффект вызывали и публичные чтения других его сочинений, которые часто устраивались в столичных редакциях и литературных салонах той эпохи.

В 1853 году Писемскому предлагали заняться редактированием Костромских «Губернских ведомостей», но предложение не было им принято из-за наметившихся разногласий с вице-губернатором, которые впоследствии привели к уходу со службы. В «большой журналистике» он оказался отчасти благодаря случаю и покровительству своего тестя – основателя «Отечественных записок» П. Свиньина. На ранних этапах творческой биографии он сотрудничал с «Москвитянином» М. Погодина, некоторое время заведовал литературным и театральным отделами в журнале «Искусства».

В 1857 году Писемский приглашается издателем В. Печаткиным на должность редактора «Библиотеки для чтения». Этот энциклопедический журнал, имевший в 30-е годы значительную популярность, постепенно уменьшал число своих подписчиков. О. Сенковский и А. Старчевский, редакторы издания, сделали ставку на малоискушенного провинциального читателя. Они наполняли страницы журнала сочинениями, выдержанными в духе «официальной народности», недооценивая значение традиций гоголевской «натуральной школы» 40–50-х годов [5]. «Спасали» репутацию журнала, кроме Писемского, также приглашенные редакторы А. Дружинин и П. Боборыкин, но конъюнктура рынка периодической печати сложилась так, что в 1865 году «Библиотека для чтения» прекратила выпуск.

В лучшие годы, обладая острой наблюдательностью, знанием провинциальной жизни и мастерством бытописателя, проза Писемского могла соревноваться в популярности у публики с одновременно выходившими сочинениями Ф. Достоевского и Л. Толстого.

Сочинения Писемского неоднократно переводились на европейские языки [4. С. 3]. Правда, ажиотажного спроса у западной публики они не имели, однако, именно по ним Европа создавала общее впечатление о жизни в России. Она к середине века оказалась страной достаточно закрытой, огражденной цензурой от иностранного влияния.

В период своего редакторства Писемский часто оказывался в центре журнальной полемики, прежде всего, как «фельетонный» беллетрист, печатавшийся под псевдонимами «статский советник Салатушка» и «старая кляча Никита Безрылов».

Стоит учесть, что фельетон на данном этапе развития русской журналистики – это еще не вполне сложившийся остро-критический жанр. Под этим термином могла подразумеваться любая занимательная или поучительная история, изложенная в малой прозаической форме. Такие рассказы и очерки с элементами сатиры и юмора (в разных пропорциях) публиковались, как правило, в последнем разделе или приложении «толстого» журнала. Это могли быть и крупные повести или романы, печатаемые с продолжением в следующих номерах.

В романе Писемского «Люди сороковых годов» отражены непростые взаимоотношения журналистики и цензуры, заставляющей наиболее радикально настроенных мыслителей – В. Белинского, А. Герцена, М. Бакунина – искать «обходные пути», прибегать к иносказаниям и конспирации. Он напрямую касается и консервативно-реформаторской деятельности М. Магницкого, регулярно посылавшего императору отчеты (в просторечье «доносы») о заговорах в университетских «кружках» [см. 3]. Магницкий возглавлял комиссию в департаменте Просвещения, который, кроме прочего, выполнял функцию надзора за периодическими изданиями.

И, хотя в романе симпатии Писемского часто на стороне авторитетных государственников и «чиновников от цензуры», все же герои сюжета усматривают комический эффект в том, что «попы стали читать философию» (имеется в виду решение свеженазначенного министра П. Ширинского-Шихматова исключить полностью западнические идеи из учебных программ).

Лояльный к власти Писемский одним из первых провел беглый анализ социальной ситуации во время «мрачного семилетия» русской печати, начавшегося в 1848 году и пришедшегося на последние годы николаевского царствования. Попутно он составил и обобщенный портрет своего поколения, захваченного революционными идеями социалистического толка.

К Писемскому вполне применима поговорка: «Кто в молодости не был либералом, кто в старости не стал консерватором?». В полемике между западниками и славянофилами, постепенно стихнувшей в 60–70-е годы, он непосредственно не участвовал, однако «душевно близок» был именно к «патриотам». В переписке с друзьями он не раз высказывал предположение о том, что должен существовать и «третий путь», отличный от идеологии либералов и консерваторов. Д. Мирский полагает, что «основой его мировоззрения навсегда остался несколько скептический здравый смысл вместе с сильным русским самосознанием; чужестранное его не интересовало, но ни Россию, ни русских он не идеализировал, как славянофилы» [6. С. 319].

В 50-е годы Писемский уделял много места в сочинениях критике обывательской пошлости, противопоставляя ей нравственную чистоту и цельность простонародного сознания. В этом отношении имели несомненный успех у читателя его повести «Тюфяк», «Брак по страсти», «Богатый жених», «Очерки крестьянского быта». В его романах пореформенной эпохи четко обозначается тема «маленького человека» и тенденция обличения «сильных мира сего», к которым относятся как аристократы, так и «воротилы бизнеса».

В романе «Мещане», по достоинству оцененном демократической прессой, писатель частично реабилитирует благородные идеи декабризма, которые опередили свое время и «пришлись ко двору» лишь в эпоху реформ. Он полагает, что тогда общественная обстановка в России была более «здоровой», чем в последующие десятилетия, а люди были умнее, честнее и образованнее, о чем сообщает в письме к П. Анненкову [9. С. 276].

В отличие от многих консервативно настроенных публицистов, характеризующих декабристов как молодых авантюристов, увлекавшихся модными политическими теориями, Писемский более глубоко понимает их историческое значение. Он не раз упоминает в сочинениях о влиянии Отечественной войны, как на развитие их идеализированного патриотизма, так и на становление национально-освободительного движения в Польше, Греции, Италии и других странах Европы.

Наибольший резонанс у публики и прессы вызвал в 1863 году антинигилистический роман Писемского «Взбаламученное море». Он был встречен в штыки «Современником» и «Русским словом», где вышла негативная рецензия Д. Писарева [7].

Отдавая должное литературному мастерству И. Тургенева, Писемский, тем не менее, в общей характеристике оппозиционных и революционных настроений представляет их результатом праздного времяпрепровождения разночинной молодежи. Кроме того, в сочинении даны иронические оценки модным идеям прогресса и эмансипации, резко критикуется «бесполезный» опыт воскресных «народных школ» – первый шаг на пути ко всеобщей грамотности [см. 4]. Ярлыки «ретрограда» и «консерватора» с этого момента прочно и надолго приклеились к автору романа.

Упоминая популярный роман Писемского «Тысяча душ», М. Салтыков-Щедрин даже выражает сомнения в прежних достоинствах писателя – приверженности «гоголевской школе» и знании провинциального уклада жизни. Он говорит о необыкновенной ограниченности его взглядов, крайней неспособности к обобщениям и отсутствии идеала, в совокупности создающих у читателя ощущение «страшной духоты». Кроме того, примитивное изображение мужика как грубияна, бахвала, дурака и пьяницы делает Писемского, по мнению критика, весьма сомнительным реалистом:

«Мы иногда ошибочно понимаем тот смысл, который заключается в слове «реализм», и охотно соединяем с ним понятие о чем-то вроде грубого, механического списывания с натуры, подобно тому, как многие с понятием о материализме соединяют понятие о всякого рода физической сытости» [10. С. 122].

Демократическая пресса 60–70-х годов стремилась «монополизировать» право на реалистичность и достоверность в трактовке истории и современности. Писемский же к концу своей писательской карьеры сменил свои жанровые предпочтения. Будучи автором бытовых и нравоучительных романов, он стал больше времени проводить в архивах, чтобы создать достойный «исторический роман». Правда и то, что в зрелом возрасте современная социальная действительность, – порой бурная, стремительная и даже экстремальная, – все меньше занимала его внимание.

Впрочем, последние его сочинения с натяжкой можно назвать «историческими»: он в этой области грешил непрофессионализмом и допускал значительное количество неточностей; исторические сведения не всегда удачно «вплетены» в диалоги персонажей или авторские «лирические отступления.

Скорее, это были литературные мемуары на основе собственных детско-отроческих впечатлений, семейных архивов и личных дневников 40–50-х годов. Субъективная авторская оценка общественной жизни в описываемую эпоху проникнута пессимизмом, что усугублялось семейной трагедией Писемского, за которой последовали депрессия, частичная потеря памяти и «типично русская» тяга к «зеленому змию» [1].

И критика, и публика холодно встречали новые романы писателя, отмечая в них утрату прежней остроты и яркой образности, а также периодически встречающиеся «реплики» и «переделки» старых сочинений. Характерен в этом смысле последний крупный роман Писемского «Масоны», главы из которого появились в нескольких номерах журнала «Огонек» за 1880 год.

В процессе работы над романом Писемский проводил много времени в книгохранилищах, где, по его выражению, «напитывался» и «насасывался» сведениями о русских масонах. Упоминание о причастности к этому течению реальных публичных деятелей – А. Голицына, А. Лабзина, Ф. Ключарева, М. Пилецкого – должно было создавать эффект исторической достоверности событий в сюжете, начало которого относится к 1835 году. В тексте упоминаются «Соединенные Друзья», «Палестина» и другие масонские ложи поздней формации, а также религиозный журнал «Сионский вестник».

Уместно отметить, что после декабристского восстания, когда был наложен очередной запрет на «тайные союзы», условную форму классических «орденов» могли принимать великосветские клубы и салоны, студенческие кружки, литературные, философские и теософские сообщества.

Проявляя общую эрудицию, Писемский отмечает преемственность современного ему масонства как к средневековым орденам, так и к духовным течениям в Европе эпохи Реформации и в России периода церковного раскола. Из контекста сочинения следует, что для русского масонства

он полагает равнозначными учения как последователей европейских духовных авторитетов, так и доморощенных сектантов всех «мастей». Это можно уподобить тому идейному «равновесию» между либеральными западниками и консервативными славянофилами, которое автор наблюдал в эту эпоху.

Объясняя различие русской и французской версий мартинизма в письме к переводчику В. Дерели, Писемский полагает, что к мистическому учению последователей Сен-Мартена «русские присоединяли еще учение и правила наших аскетов, основателей нашего пустынножительства, и зато менее вдавались в мистическую сторону» [9. С. 402].

Прототипами положительных персонажей романа – Марфина, Сверстова и др. – были, по всей вероятности, двоюродный дядя Писемского Ю. Бартенев и другие реальные личности из круга его родственников и знакомых.

Основное действие романа происходит в доме Крапчика, губернского предводителя дворянства, где в специфической «театральной» обстановке под портретом Фердинанда Брауншвейгского в рыцарских латах регулярно собирается масонское сообщество, проводя необходимые ритуалы. Одной из задач Писемского как беллетриста становится противопоставление духовно богатых, просвещенных членов ложи потенциально опасным карьеристам и «грубым развратникам» вольтерьянского толка.

Впрочем, по оценке «фармазона» Чацкого в грибоедовской комедии «Горе от ума» мы знаем, что и те, и другие воспринимались высшим светом 30-х годов преимущественно в негативном ключе.

М. Еремин полагает, что, раскрывая моральную силу масонского учения, Писемский акцентировал активную общественную позицию, хотя и слегка иронизировал над простодушными речами персонажей вроде Марфина:

«Мы – люди, для которых душа человеческая и ее спасение дороже всего в мире, и для нас не суть важны ни правительства, ни границы стран, ни даже религия... Сказано: запретить собрания наши, – тому мы должны повиноваться, а уж никак это не касается нашего внутреннего устройства: на религию и на совесть узды класть нельзя!» [8].

В подобных вольных суждениях о свободе совести в эпоху господства знаменитой уваровской триединой формулы «Православие – самодержавие – народность», в принципе, нет ничего сомнительного, особенно если вспомнить, что даже митрополит Филарет был в юности воспитанником масонского Дружеского общества [см. 2].

С позиций современной исторической науки, в революционном духе Европы 1848 года улавливается влияние вненациональной идеи просветителей мистического склада, а деятельность тайных революционных обществ соответствует конспиративному, заговорщическому характеру отношений в масонских ложах. Доказательством идейной общности декабризма и масонства является и упоминаемая в романе Писемского поэма близкого декабристам Ф. Глинки «Таинственная капля», изданная в Берлине в 1861 году.

Сменив жанр и «подняв» новую для него тематику, Писемский вряд ли доказал свою состоятельность как историка – публика не особенно заинтересовалась его последним сочинением, – редкие рецензенты романа сходились в том, что большинство персонажей схематичны, а в их диалогах отсутствует живая мысль.

Скорее всего, автор не вполне отдавал себе отчет в том, действительно ли существует сходство и преемственность между общественными идеями классического масонства XVII–XVIII веков и новейшей либеральной демократии рубежа XIX–XX веков. Впрочем, следует признать, что до конца объективно разобраться в сущности такого исторического явления, как русское масонство, не удалось позже и другим солидным историкам – С. Мельгунову, А. Семеке, В. Тукалевскому, Е. Шумигорскому и др. Будучи почти полностью закрытым для публичного обсуждения в советский период, масонство и для современного массового сознания порой остается загадкой.

Список литературы

1. Айхенвальд, Ю. И. Писемский / Ю. И. Айхенвальд. – Текст : непосредственный // Силуэты русских писателей. В 3 выпусках. – Вып. 2. – Москва, 1906–1910; 2-е изд. Москва, 1908–1913. – URL: http://dugward.ru/library/pisemskiy/ayhenv_pisemskiy.html (дата обращения: 12.01.2021).

2. Башилов, Б. Масонство и русская интеллигенция / Б. Башилов. – Текст : электронный // Magister.msk.ru : [сайт]. – URL: http://magister.msk.ru/library/history/mason/bashil16.htm (дата обращения: 12.01.2021).

3. Биллингтон, Дж. Х. Икона и топор. Опыт истолкования русской истории / пер. с англ. / Дж. Х. Биллингтон. – Москва: Рудомино, 2001. – 880 с. – Текст : непосредственный.

4. Евнин, Ф. И. А. Ф. Писемский: к 125-летию со дня рождения / Ф. И. Евнин. – Москва: Гослитмузей, 1945. – 32 с. – Текст : непосредственный.

5. История русской журналистики XVIII–XIX веков / под ред. А. В. Западова. – Третье, исправленное издание. – Москва: Издательство «Высшая школа», 1973. – Текст : непосредственный. – URL: http://evartist.narod.ru/text3/01.htm (дата обращения: 12.01.2021).

6. Мирский, Д. С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / пер. с англ. Р. Зерновой / Д. С. Мирский. – London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. – 882 с. – Текст : непосредственный.

7. Писарев, Д. И. Писемский, Тургенев и Гончаров / Д. И. Писарев. – Текст : непосредственный // Сочинения в четырех томах. Том 1. Статьи и рецензии 1859–1862. – Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1955. – URL: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0100.shtml (дата обращения: 12.01.2021).

8. Писемский, А. Ф. Масоны: роман в пяти частях / сост., комм. и прим. под ред. М. П. Еремина, А. П. Могилянского / А. Ф. Писемский. – Текст : непосредственный // Собр. соч. в 9 томах. – Том 8-9. – Москва: Издательство «Правда» библиотека «Огонек», 1959. – URL: http://lib.ru/LITRA/PISEMSKIJ/masony.txt (дата обращения: 12.01.2021).

9. Писемский, А. Ф. Письма / под ред. Н. Г. Свирина / А. Ф. Писемский. – Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1936. – 925 с. – Текст : непосредственный.

10. Салтыков-Щедрин, М. Е. Литературная критика / сост. и комм. Ю. В. Лебедева / М. Е. Салтыков-Щедрин. – Москва: Современник, 1982. – 350 с. – Текст : непосредственный.

A. F. PISEMSKY – EDITOR, FICTION AND HISTORICAL WRITER (TO THE 200TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH)

Alexanderov L. G., Chelyabinsk State University, Chelyabinsk (Russia), leonalex42@mail.ru

The article is devoted to the public activity of A. Pisemsky – a prominent Russian writer of the mid-XIX century. The author first of all pays attention to Pisemsky as the subject and object of public criticism and polemics of his time, explores some of the reasons for his creative success. The article covers the periods of the writer's cooperation with mid-century magazines and the editorship of the "Biblioteka dlya Chteniya», the successes and «failures» of his feuilletons, novels and novels are tracked. In his best years, he was characterized as a well-known fiction writer and competed in popularity with the public with Tolstoy, Dostoevsky and Turgenev.

Pisemsky's work was appreciated by representatives of democratic critics, in particular, Pisarev and Saltykov-Shchedrin, but over time, "Sovremennik" and "Otechestvennye Zapiski" somewhat «cooled» to his literary works. The article deals separately with the change in the genre-thematic preferences of the writer at the end of his life and his appeal to historical themes, as a result of which the writer gave his own assessment of such phenomena as Decembrism and Freemasonry. This partly characterizes the civil position of Pisemsky, who switched from liberal to conservative views at the end of his life.

Key words: Pisemsky, journalism, fiction, polemics, natural school, conservatism, liberalism.

References

1. Ajhenval'd, Yu. I. (n.d.). Pisemskij [Pisemsky]. *Siluety russkikh pisateley. V 3 vypuskakh* [Silhouettes of Russian writers. In 3 issues]. Issue. 2. Moscow, 1906-1910; 2nd ed. Moscow, 1908-1913, available at: http://dugward.ru/library/pisemskiy/ayhenv_pisemskiy.html (accessed 12.01.2021). (in Russ.).

2. Bashilov, B. (n.d.). *Masonstvo i russkaya intelligenciya* [Masonry and the Russian intelligents], available at: http://magister.msk.ru/library/history/mason/bashil16.htm (accessed 12.01.2021). (in Russ.).

3. Billington, Dzh. H. (2001). *Ikona i topor. Opyt istolkovaniya russkoj istorii* [Icon and Axe. Experience in interpretation of Russian history] transl. from English. Moscow: Rudomino. 880 p. (in Russ.).

4. Evnin, F. I. (1945). *A. F. Pisemskij: k 125-letiyu so dnya rozhdeniya* [A. F. Pisemsky: to the 125th anniversary of his birth]. Moscow: Goslitmuzej. 32 p. (in Russ.).

5. Zapadov, A. V., ed. (1973). *Istoriya russkoj zhurnalistiki XVIII-XIX vekov* [History of Russian journalism XVIII-XIX centuries]. Moscow: Vysshaya Shkola Publishing House, available at: http://evartist.narod.ru/text3/01.htm (accessed 12.01.2021). (in Russ.).

6. Mirskij, D. S. (1992). *Istoriya russkoj literatury s drevnejshih vremen do 1925 goda* [History of Russian literature from ancient times to 1925] transl. by R. Zernova. London: Overseas Publications Interchange Ltd. 882 p. (in Russ.).

7. Pisarev, D. I. (1955). Pisemskij, Turgenev i Goncharov [Pisemsky, Turgenev and Goncharov]. *Sochineniya v chetyrekh tomakh. Tom 1. Stat'i i retsenzii 1859–1862* [Works in four volumes. Volume 1. Articles and reviews 1859-1862]. Moscow: State Publishing House of Fiction, available at: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0100.shtml (accessed 12.01.2021). (in Russ.).

8. Pisemskij, A. F. (1959). Masony: roman v pyati chastyah [Masons: a novel in five parts] comp., comm. and approx. edited by M. P. Eremin, A. P. Mogilyansky. *Sobr. soch. v 9 tomakh* [Collected. op. in 9 volumes]. Volume 8-9. Moscow: Pravda Publishing House, Ogonyok Library, available at: http://lib.ru/LITRA/PISEMSKIJ/masony.txt (accessed 12.01.2021). (in Russ.).

9. Pisemskij, A. F. (1936). *Pis'ma* [Letters] ed. by N. G. Svirin. Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 925 p. (in Russ.).

10. Saltykov-Shedrin, M. E. (1982). *Literaturnaya kritika* [Literary criticism] comp. and comm. by Yu. V. Lebedev. Moscow: Sovremennik. 350 p. (in Russ.).

Александров Леонид Геннадьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций, Челябинский государственный университет.

leonalex42@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Александров Л. Г. А. Ф. Писемский – редактор, беллетрист, мемуарист (к 200-летию со дня рождения) // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2021. № 1 (39). С. 109–114. DOI: 10.47475/2070-0695-2021-10111.

Alexanderov L. G. A. F. Pisemsky – editor, fiction and historical writer (to the 200th anniversary of his birth) // Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija. 2021. No 1 (39), pp. 109–114. DOI: 10.47475/2070-0695-2021-10111.